

ОТНЫНЕ & НИКОГДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЖУЛИАН ХИТЧ

Джулиан Хитч
Отныне и никогда

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хитч Д.

Отныне и никогда / Д. Хитч — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Илэйн Милн и Юан Маккинз знакомы слишком давно, чтобы стать парой, но общее прошлое не даёт им шанса отпустить друг друга. Значит, кому-то придётся поставить решающую точку, надеясь, что она не превратится в многоточие и наружу не успеют всплыть болезненные воспоминания. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1

Раздражение поездкой, табачный дым и виски – три атрибута жизни Юана Маккинза, которые вряд ли когда-то изменятся, когда он направляется в родной город.

«Как, блять, можно было умереть в декабре, чтобы тебя похоронили в такой дыре как Нейпервилл, штат Иллинойс?», мысли Юана собираются только в одно единственное предложение, отражающее всё его состояние.

Этот холодный, по сравнению с Финиксом, город, в котором зимой улицы покрыты сырыми кучами слякотного снега, жутко раздражает. Ступая по нему, так и норовишь промочить дорогие кожаные ботинки. Да и на трассе легко потерять управление и задержаться в этом городишке дольше, чем нужно. И Юан ненавидит это место! Последние пять лет он приезжает сюда каждый декабрь на годовщину смерти. Снимает номер в гостинице, так как не находит в себе сил, чтобы зайти в дом матери. Он не уверен, что вспомнит, когда стал считать дом, в котором вырос, только её? И когда осознал груз потери? Чего он боится? Ведь там он вырос, его любили... наверное, боится переступить порог дома и осознать всю глубину своей потери до конца, что станет непосильной ношей или причиной для нервного срыва.

При жизни Афри Маккинз была сердцем этого городка. Ладно, половинкой сердца. Второй же частью являлась Кристал Милн. Две подруги, две близкие души, две женщины, которых любили все. Каждый их эфир на местном радио сопровождался многочисленными звонками, письмами и историями. Они, словно два солнца, освещали собою этот город двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. На улице их узнавали, и они могли спокойно разговориться даже с кем-нибудь малознакомым. У всех было ощущение, что они знают этих женщин всю жизнь. Их считали почти святыми, стараясь не замечать, что и им есть что скрывать. Но как бы люди не отводили взгляды в сторону, «скелет» Афри Маккинз никак не хотел прятаться. Вечно влипал в какие-то истории, морочил девушкам головы, курил и пил. Афри надеялась, что в маленьком городе их с сыном не станут считать изгоями, нарушителями порядка и устоев, а Юана воспринимать дитём порока, так как он рос без отца. Какие только теории о его рождении не возникали, но люди бы успокоились, если бы он сам мог вести себя скромно или хотя бы набожно.

Афри совершала ошибки, как и все, но самая главная – приезд в Нейпервилл, где все были друг у друга на виду. Нет, её, как отдельный субъект от своего ребёнка, любили. Но Юана... «Исчадие Ада» в его сторону можно было считать комплиментом.

Всему приходит конец – логичный и закономерный. Женщины погибли, оставили этот город без сердца – пустым, наполненным только серостью и снегом. Они долго мечтали о том, чтобы отправиться в путешествие на Тенерифе и погреть свои старые косточки, хотя им было всего лишь немного за сорок, но не сложилось. Сели в самолёт и не долетели, упав где-то посреди Атлантического океана.

Тот декабрь, когда произошла авиакатастрофа, даже для Нейпервилля был слишком холодным и снежным. Страшная весть застала Юана в Финиксе. Он как раз закончил финансовую статью, над которой трудился несколько месяцев, и блаженно потягивал виски в квартире подруги. Сидел на балконе, а ночной ветерок гулял по телу, остужая кожу, и сбивал жар после секса. Ему хотелось закурить, аж пальцы чесались, но до этого так и не дошло. Грейс крикнула, что в новостях говорят о самолёте, исчезнувшем с радаров. Когда он понял, о каком

самолёте идёт речь, сердце замерло. Он не тешил себя мыслью, что его мама и тетя Кристал выживут и чудесным образом материализуются где-нибудь в спасательной службе. Понимал, что они умерли и нужно ехать в Нейпервилл организовать похороны. Мысленно составлял список, как будто собирался в магазин: позвонить на работу, взять отпуск по семейным обстоятельствам, выйти из этой квартиры, бросив Грейс и эти её невъебренные распросы, перестать пить и курить. Но Юан тянул, тянул, потому что не мог сделать шаг и выйти из комнаты. Это бы означало: процесс запущен и его маму не вернёшь – жизнь кардинально изменилась.

Пока пробка на въезд в город стоит и не собирается рассасываться, Юан делает ещё несколько глотков из бутылки и выкуривает парочку сигарет. Разум затуманивается, а значит, становится легче. Он давно уже не ждёт ничего хорошего от этих поездок. Единственное желание, чтобы всё поскорее закончилось. Только дорога от аэропорта Чикаго до города, которую он преодолевает на арендованной машине, растягивается. Без алкоголя он бы вообще не смог сюда приехать, остановился бы на обочине по нужде и поехал бы обратно.

Снова сигналит, чуть ли не вдавливая кнопку на руле, чтобы серый «форд» перед ним ехал быстрее. Он наконец проезжает место аварии. Бросает взгляд направо и замечает разбитый автомобиль. На лобовом стекле виднеются красные разводы и пряди волос, на капоте – пара царапин, а под бампером лежит искорёженный велосипед. И вместо сожаления или скорби – очередное раздражение, сводящее с ума. В его сторону поворачивается полицейский. Юан узнаёт в нём Эстера, с которым они учились в школе и который не терял возможности каждый раз вывести его из себя своими шутками. Он кивает Юану и отворачивается, снова что-то фиксируя в протоколе, как будто их прошлого не было, а есть только сейчас, где каждый занимает своё место.

Юан жмёт на газ. Бойтся оставаться рядом с местом аварии дольше, чем необходимо. Захочется выйти из машины и тогда его раздражение выльется на Эстера как в старые добрые времена. Проехав с милую, снова прикладывается к бутылке, уже не ощущая настоящего вкуса алкоголя, рот как будто наполняется кровью и желчью. Хочет он того или нет, но у него с этим городом свои нестираемые ассоциации.

Вспоминает, как постоянно слышал, что многие, не стесняясь, хвалили мать за терпение. Люди никак не могли понять, как у Афри, Кристал и её дочери Илэйн хватает выдержки долго находиться рядом с Юаном. Собственно, он тоже этого не понимал. Не знал, кого они видели за его тёмными сторонами. Ничего не изменилось и сейчас – он не превратился чудесным образом из мудака в принца.

В Нейпервилле было сложно затеряться, потому что тебя все знали, если не в лицо, так по слухам. В Финиксе же привыкли к эгоизму, беспорядочному сексу, выпивке и табаку – то, чего так хотел Юан. Свободы. Все хотят всего и побольше. Он уехал в Финикс под осуждающие взгляды, что на учёбу, что после похорон. Только кинули последнюю горсть земли на гроб, а его уже и след простыл. Никто не понимал того, что он по-настоящему любил маму и просто не мог находиться в месте, где буквально всё о ней напоминало. И пусть уподобился отцу, предал память о ней. Зато он смог жить спокойно и не страдать триста шестьдесят пять дней в году. Страдать приходится лишь во время ежегодных визитов.

Стоит проехать мимо таблички «Добро пожаловать в Нейпервилл», и сила воли даёт трещину. Юан вспоминает детство, подростковый возраст, юность и многочисленные посиделки,

от которых было не отвертеться – Афри умела уговаривать. На них были Юан, Афри, Кристал и крошка Илэйн. Но он вырослел, и уже не хотелось возиться с вечно сопливой и желающей пообниматься девчонкой. Поэтому он стал избегать их компании, прикрываясь учёбой, подработкой, девушкой, поступлением – да чем угодно, сознательно отстраняясь от них. Единственного оплота, который готов был бы его прикрыть, несмотря ни на что. Уже тогда он понимал: нужно быть жёстким. Жизнь обязательно поставит тебе подножку, стоит поверить в счастье. Лучше ползать где-то на дне и знать, что уже никуда не денешься – тут всё крепко, почти непробиваемо, а свет наверху... Кому он нужен?

Юан едет по сырому, раскатанному снегу, и волна гнева поднимается всё выше и выше. Останавливается у кладбища, но ещё долго сидит с открытой дверью и выпускает дым наружу. В конце концов, снова привыкает к тому, что тут холодно и он мёрзнет в твидовом пальто. А ещё снежно, отчего сигарета мокнет и её вкус портится. Впрочем, как обычно.

Выходит из машины, старается встать на более-менее сухие участки и миновать кашеобразные лужи. У ворот кладбища ботинки всё-таки предательски намокают, а два букета в руках постепенно теряют свою изысканность из-за слишком крепкой хватки. Он помнит, где находятся могилы. Проходит всего десять минут, прежде чем он оказывается неподалёку от группы людей, стоящих у двух памятников. Они по очереди кладут цветы и о чём-то негромко переговариваются. Юан садится на сырую землю, словно терять уже нечего. В тени от дерева и высокого гранитного камня ждёт, когда они уйдут, чтобы побыть в тишине. Остаться с мамой наедине, представить, что она где-то рядом, живая, а пустого гроба он никогда не видел.

Его волосы становятся сырыми от тающего на макушке снега. Мокрые пряди свисают на лицо. Люди отходят от могилы, и остаётся только одна фигура. К нему боком стоит девушка. Юан разглядывает знакомые волнистые светлые волосы, пухлые губы и большие глаза. Она всё такая же миниатюрная и хрупкая, как и в том году, как и в любой другой – Илэйн Милн словно не подвластна времени. Её губы шевелятся: она что-то рассказывает маме, всплёскивая руками и иногда улыбаясь. Да так, словно разговаривает с живым человеком, и ей отвечают. Юан завидует этой двадцатилетней девушке – она всю свою жизнь была сокровищем, ярким лучом для других. Для него же она была угловатой девчонкой, которая пыталась добиться его улыбки; той, кто угощала лимонадом в летнюю жару; той, кто передавала что-то Афри в её отсутствие. В такие моменты Илэйн по-хозяйски заходила в их дом, оставляла вещи на рабочем столе – знала, что и куда положить, в отличие от Юана. Илэйн сама наливала себе чай, не спрашивая разрешения, и, вообще, чувствовала себя как дома. Юана забавляла её непосредственность, даже когда он слал её и кричал «проваливай уже, мелкотня». И она вечно не хотела придавать значения тому, что он пытался от неё отделаться, да поскорее. С ней это не работало – Илэйн просто попросила у Афри ключ от дома и заходила, когда ей заблагорассудится.

Юан понимал, что в детстве Илэйн пыталась искать у него поддержки и тепла. В них она нуждалась и в вечер после похорон. Тогда он последний раз смог зайти в дом, пройти по нему и запомнить, как тот выглядел. Он был нужен Илэйн, но сделал вид, что не замечает этого. Больше она не искала поддержки, не давала понять, что когда-то он ей нравился. И так было спокойнее. Её отпустило. Он же раз в год мог просто наблюдать за тем, как она взрослеет и превращается в уверенную молодую женщину.

Сейчас Илэйн выглядит чуть старше, но всё равно похожа на красивую фарфоровую куклу, пусть и со слегка красными щеками и порозовевшим от холода кончиком носа. Она,

словно чувствует взгляд на себе и поворачивается; её губы трогает лёгкая улыбка. Илэйн рада видеть Юана. Как и всегда.

Он встаёт, отряхивая пальто, поднимает два одинаковых букета со снега и подходит к ней. Илэйн делает шаг навстречу и обнимает, прижимаясь так, словно они не виделись пару лет. Хотя почему «словно»? Всё их общение в последние пять лет – это краткие встречи на кладбище. От волос Илэйн пахнет жареным миндалём и зёрнами кофе. Он легко прижимает её к себе и быстро отстраняется. Пугаясь того, как просто с Илэйном чувствовать свою нужность. И прошлое вспыхивает так ярко, словно он и не пытался его отпустить.

– Привет, Юан! Я подумала, что ты изменил традиции или уже приходил, мы... Я зажда-лась, – быстро поправляет себя Илэйн, понимая, что сморозила глупость. Она тоже теряет связь с реальностью, находясь рядом с близкими, пусть и мёртвыми. – Какие красивые!

Протягивает руку и касается длинными, красными от холода пальцами лепестков белых роз. Юан выжидает пару мгновений и любуется этой картиной, потом кладёт букеты на одну, затем на вторую могилу, мысленно произнося: «Для тебя, мам» и «Для тебя, тётя Кристал». Когда встаёт рядом, Илэйн берёт его ладонь. Холод обжигает. Он поднимает их руки и дышит на них, согревая. Илэйн сначала удивляется, потом произносит:

– Ты перестаёшь быть монстром время от времени?– Нет, монстры всего лишь любят тёплое мясо, – он кусает её палец, хищно скалясь.

Илэйн с улыбкой высвобождает руку и засовывает в карман пальто. Некоторое время они рассматривают в тишине надгробия, пока Илэйн не произносит:

– Может, сходим куда-нибудь выпить вечером? Ты, как всегда, уезжаешь с утра?

– Детка, не боишься, что тебя заклюют?

– Я уже не часть этого мира, Юан, – а он задумывается о том, что никогда им и не был. – Так что? Пошли к Фреду, вы, кажется, уже не хотите друг друга убить, – Илэйн улыбается, толкая его в плечо.

Этим напоминает Юану о том, как лет семь назад он трахнул невесту Фреда и уехал утром в Финикс. Зато он «спас» его от шлюхи, и Фред через пару лет нашёл себе прекрасную жену. Сейчас он счастлив и у него уже двое сыновей. Юан думает, что ту потаскуху он не вспоминает, а вот Фред его вряд ли забыл.

– Хорошо, – соглашается Юан совершенно неожиданно даже для себя. Илэйн поворачи-вается, впиваясь в него взглядом голубых глаз. Наверняка думает, что он издевается, потому что всерьёз не рассчитывала на согласие. – Давай около семи у входа, – уточняет Юан.

– Вот мой телефон, если ты передумаешь.

Юан уверен, Илэйн не верит, что он позвонит ей, если передумает, но... Сейчас они играют подобно тому, как делали это в детстве. Она доверяет ему, а он кидает её то в одну сторону, то в другую, мало заботясь о том, что с ней будет дальше. Сколько ещё понадобится лет, чтобы понять: детство-то давно прошло? Два призрака не сделают из них близких людей.

Юан забивает её номер, пока она диктует, а на самом деле набирает рандомные цифры. Даже если и возникнет желание, он не даст себе шанса позвонить ей. Он обещал когда-то кое-что маме, и пусть всё останется, как и раньше. Он здесь всего на день, она – тоже, а дальше две разных жизни, которые связаны только этим местом. Так было, так и должно быть.

Они выходят за пределы кладбища. Илэйн улыбается, шагая по хрустящему снегу, старается ступить на нетронутый кусок белого наста. Юан ухмыляется, толкая её в плечо, что в двадцать она остаётся такой же, как и в детстве. Такое чувство, словно жизнь её ещё не была лицом об асфальт.

– Тогда до встречи, Юан, – говорит она и идёт налево.

«Интересно, она направляется в их дом с тётей Кристал или ещё куда-то?».

– Хочешь подвезу? – он как-то горбится, сжимая губы в одну линию.

Илэйн поворачивается, и волны её волос, взлетая, пружинисто опускаются на плечи.

– Не думаю, что когда-нибудь ты предложишь это ещё раз, поэтому не буду отказываться.

Он ухмыляется её честности и ведёт к машине. Илэйн быстро залезает на переднее сиденье и прикладывает руки к печке, чтобы согреться.

– Куда тебе?

– Куда и всегда, – отвечает она.

Глаза Илэйн немного увлажняются, но она справляется с болезненным чувством. Юан заводит мотор и едет по памяти, выключая навигатор. Они проезжают все те места, что остались в памяти на многие годы. Юан помнит, как за тем домом его первый раз избili мальчишки постарше за то, что у одного из них он увёл девушку. А в эту пекарню они как-то ходили все вместе – вчетвером, тогда ему было пятнадцать, а Илэйн только пять. Она заплакала, когда упала и уронила маффин в лужу, и он отдал ей свой, а потом нёс всю дорогу до дома на руках, причитая, какую задницу она себе отрастила и что ей придётся стирать ему футболку от соплей. Сейчас Илэйн не такая беззащитная. Она сидит молча, рассматривая свои руки, а иногда – его.

– Может, прекратишь пялиться? – спрашивает Юан.

– На фотках ты другой, – намекает, видимо, на те интервью, что он недавно давал. – Здесь ты жёстче. Впрочем, как и обычно. Может, послушаем музыку?

Илэйн, не дожидаясь ответа, сразу нажимает на кнопку на магнитоле. Крутит колесико и случайно натывается на местную радиостанцию, на которой когда-то работали их матери. Там смеются другие женщины, что-то обсуждая. Скулы Юана напрягаются, и, вцепляясь в руль, он кричит:

– Выключи, живо! – Илэйн так же, как и он, замирает и не может ничего сделать, поймав ту же самую галлюцинацию. Юан отталкивает её руку, но не сразу получается нажать на кнопку. Хватает Илэйн за запястье и больно сжимает пальцами. – Ничего не трогай или нахрен высажу, поняла меня?

В глазах Илэйн появляется страх, и она лишь кивает. Они едут в тишине ещё несколько кварталов, прежде чем он останавливается. Старательно отводит взгляд от дома – вызывать новые воспоминания нет желания.

– Извини, я... я хотела как лучше...

Юан ничего не отвечает, и она закрывает дверь. Он резко кидается на руль и трясёт его, матерясь и ударяя по панели.

– Ну, какого хуя?

Обдумывая не один раз за день все события, Юан совершает, возможно, роковую ошибку: попадает в сети и не отказывается от встречи. Появляется в назначенный срок у бара, наблюдая за теми, кто входит и выходит. Уверен, что часть из них узнаёт его, а он – их. Но делают вид, что никто и ничего никому не должен.

– Ты всё же пришёл. Не ожидала, что генеральный директор «Юнион Мэйн» не станет закрываться в люксе, попивая алкоголь из мини-бара.

– Разве ты так хорошо меня знаешь? – затягивается последний раз до фильтра и кидает окурок в лужу.

– Всю свою жизнь. Этого мало? – Илэйн говорит это, пожимая плечами и не стесняясь, как будто это обычная фраза. Слово такое можно сказать любому.

– Ладно, погнажи, я приехал сюда не за этим.

Тихий риторический вопрос Илэйна: «А зачем?» тонет в гуле, когда он открывает дверь бара.

Наверняка тот наряд, что Юан выбрал, не сильно подходит для паршивого бара в захолустье – костюм цвета мокрого асфальта от «Армани» вряд ли тут смогут оценить. Он бегло осматривает стул, на который садится, хотя и так понимает, что придётся отдавать костюм в химчистку, а то и выкидывать. У стойки бара к ним обращается мужчина:

– Так-так, и кто это у нас? – спрашивает бородатый тип под два метра с лицом серийного маньяка. Но секундой позже его выражение сменяется странной улыбкой, когда тот узнаёт их: – Юан, Илэйн – жизнь так вас и не растащит подальше друг от друга? – он выдаёт это с неприкрытым подтекстом неприязни.

– Как Моник? Или теперь избранницу зовут как-то иначе, а?

Фред напрягается, вспоминая прошлое, и сжимает стакан, который протирает полотенцем.

– Налей нам два виски, Фред. Пожалуйста, – говорит Илэйн, и тот отходит в сторону.

– Ты пьёшь? Виски? Небось уже дома оружие держишь?

– А ты хотел, чтобы он плюнул в твой напиток?

– Не думаю, что это хуже спермы на лице его невесты.

Только сейчас Юан обращает внимание на то, как выглядит Илэйн. На ней надеты тёмно-синяя блузка и чёрная юбка. Волосы собраны в высокий хвост, глаза подкрашены. Она кажется статной и слишком взрослой для своего возраста.

– Ты всегда идёшь в бар, одевшись, как на собеседование? – спрашивает Юан.

– А ты? – интересуется она, хитро улыбаясь. – Всего лишь пытаюсь соответствовать, чтобы ты здесь не был единственным идиотом.

– Илэйн, ты стала шибко говорливой, на тебя так Нейпервилл влияет?

Она не успевает ответить, потому что Фред подходит к ним с выпивкой, и Илэйн, выхватывает стакан, который тот протягивает Юану. Она собирается выпить, но Фред забирает его обратно со словами:

– Кажется, там муха... Сейчас поменяю, – и быстро отходит к бутылкам и раковине.

– Умно, – отпивая глоток, говорит Юан. – Всё же люди не прощают обид.

Илэйн упирается взглядом на точку впереди, разглаживая складки на юбке.

– Держи, Илэйн, – говорит вернувшийся Фред и злобно смотрит на Юана.

Когда тот допивает один стакан, Илэйн передаёт свой и заказывает несколько коктейлей для себя. Проходит пара часов за разговорами, хотя Юан бы скорее сказал, за монологом Илэйна. Он смотрит за всем этим как будто со стороны, пока они сидят за крайним столом у

окна при открытой створке. Он задумывается о том, сколько часов провёл на работе на этой неделе, хорошо, если цифра будет соответствовать всего лишь семидесяти двум часам. Сколько девушек прошло через него в вечной спешке? Сколько у него друзей, живущих в состоянии вечного дедлайна и недосыпа? Обращает внимание на светлое лицо Илэйн и снова возвращается к реальности.

– Не слушаешь меня, да? – она допивает остатки коктейля.

– Сейчас? Слушаю.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты фантастический? – она мешает лёд трубочкой.

– Множество раз, – только не добавляет о том, что чаще всего это было далеко не в положительном смысле.

Они говорят о чём-то отстранённом, пытаюсь не произносить ничего лишнего о личной жизни, а особенно – о прошлом. Не замечают, что на столе всё прибавляется и прибавляется пустых стаканов.– Кажется, мне хватит, – заявляет Илэйн. Пытаюсь встать, почти падает, но Юан успевает поймать её.

– Я тебя отвезу домой.

– Выпивший? – она слегка трепыхается в его руках, но он жёстко удерживает её запястья в хватке.

– Если тебя это так волнует, то потрачусь и вызову такси, покатаемся в такую погоду по Нейпервиллу. Прямо мечтаю об этом, – он подтаскивает её к себе.

Илэйн приникает к его груди. И Юану кажется, что она вдыхает его запах.

– Нет, я... я не хочу домой. Не сегодня...

Он понимает её чувства и страх остаться одной. По ней видно, что она даже сейчас не оправилась от раны, но скрывает это за добротой и улыбками. Юан же от мира ничего, кроме дерьма, и не ждал. Ясно понимал цену всему. Илэйн прикрывает глаза, пока он накидывает на плечи пальто и выходит на улицу вызвать такси. Илэйн обнимает его за талию под пальто. Он то ли этого не замечает, то ли не хочет снимать её руку с себя.

– Спасибо, ты меня спас... Каждый раз готова умереть... – шепчет она в его грудь, а он смотрит на часы – без двадцати минут одиннадцать. Именно в это время рухнул самолёт их родных, которые были для них всем. Именно в эту минуту пять лет назад жизнь перечеркнуло надписью «смерть», и они до сих пор не смогли оправиться от потери, от несправедливости.

Они оказываются в его номере спустя минут двадцать. Юан удивляется, что смог протащить Илэйн мимо администратора и избежать вопросов. Повезло. Отвлёкшись, тот не обратил внимания, что Юан ведёт в номер хрупкую блондинку.

– Эй, Илэйн! Ты как? – спрашивает он, усаживая её на кровать. Кажется, она выглядит уже лучше, но всё равно замедленные движения и мутный взгляд говорят сами за себя – она сильно набралась. – Вот, блять, на что я согласился? Сейчас воды дам.

Открывает холодильник, вытаскивает пластиковую бутылку и подаёт её Илэйн. Она выпивает треть и, вернув обратно, плюхается на кровать. На подбородке остаются капли. Юан ставит на тумбочку бутылку и не может отказать себе в том, чтобы стереть остатки воды с её разгоряченного лица. Пальцы задерживаются дольше, чем нужно, на пухлых губах. Илэйн приоткрывает рот и мягко дотрагивается языком до его пальца. Юан знает этот взгляд и то, что

в нём достаточно алкоголя, чтобы забыть об обещании маме не трогать Илэйн. Афри понимала ещё тогда, что малышка не ровно к нему дышит, и то, что он разобьёт ей сердце, не оставив и шанса на его восстановление. Первая любовь оставляет самые глубокие раны. Хотя он даже не задумывался о том, что до неё можно дотрагиваться, что она может так легко облизать палец, обхватив его губами и намеренно соблазняя его.

– Илэйн, приди в себя, а? Я пойду сниму второй номер, а ты... ты поспи здесь, ладно? – Юан отстраняется, через силу выговаривая слова, смотря на рассыпанные по кровати волосы, горячий рот и розоватые от алкоголя щёки, которые дополняют образ. Он всего лишь мужчина и понимает, что Илэйн красива. Что ещё немного и он воспользуется ей, только почему-то он отговаривает себя от этого, заставляя отвернуться.

Делает пару шагов к выходу и чувствует неудовлетворение, с жалостью понимая, что предстоит получить разрядку по-другому. Его неожиданно обвивают руки на талии, останавливая от дальнейших действий. Он не поворачивается, но и не разнимает сцепленных пальцев, как будто Юану всё ещё нужна более веская причина, чтобы остаться.

– Илэйн, остановись: нам не следует этого делать! Я взрослый мужчина, а ты – ребёнок, – только сам он не уверен, что его больше пугает – её возраст или собственная реакция.

– Я давно уже не ребёнок, Юан, – она проводит рукой по прессу через рубашку, словно обводя каждый кубик, касается пряжки ремня, а потом сжимает через ширинку член.

– Даю тебе шанс отойти от меня самостоятельно и бросить свои неумелые попытки меня соблазнить. Ты об этом пожалеешь! – хрипит он, сдерживаясь, чтобы не вывернуть ей руку, привлекая внимание по-другому, пока она растёгивает ширинку и сжимает яйца через ткань трусов. Заставляет всё больше и больше терять рассудок. Он не хочет делать ей больно, пока ещё не хочет. Потом он уже вряд ли остановится.

– Так покажи мне, о чём я должна жалеть, – она сжимает в своей маленькой руке его достоинство. Он резко разворачивается и сжимает её плечи. Илэйн смотрит ему в глаза уверенно и прямо. – Разве ты знаешь, что такое жалость и сострадание, Юан? Просто побудь собой ещё немного.

Илэйн почти выплёвывает эти слова, вырывая руки из хватки. На её белой коже остаются красные полосы от его пальцев. Только зря она начинает эти игры.

– Хочешь меня настоящего? Хорошо, ты получишь! Только не плачь потом, как ребёнок, и не говори, что тобой воспользовались, – он хватает её за запястье, подтаскивая к кровати, пока она упирается, и садится на измятое покрывало. Он зол, но пока хочет посмотреть, что она сама выкинет дальше. – Всё? Режим бляди выключился? Так и думал: я сегодня добрый, поэтому не буду трогать детей.

Юан привстаёт, чтобы уйти, но руки Илэйн уверенно толкают его в грудь, чтобы он сел обратно. Она встаёт между его ног и, наклонившись, целует в губы уверенно и твёрдо. Руки сминают рубашку в хватке, когда он приоткрывает рот и касается её языка своим. Вкус виски и табака смешивается со вкусом сладких коктейлей, создавая несовместимое сочетание, но расцепить их уже невозможно. Юан хватается за ягодицы и притягивает к себе, жёстко сминая плоть. Кажется, Илэйн охает, и у него срывает голову от податливости её тела. Он всё ещё жадно целует её сухие губы, прикусывая, когда хватается за блузку и дергает её, не заботясь о пуговицах. Они, как ненужные осколки, прыгая, рассыпаются по полу и залетают под мебель. Его взгляду предстаёт светлая кожа, почти прозрачная с голубыми пульсирующими прожилками, в которые он впивается с одной лишь целью – проглотить всю без остатка.

Юан задирает юбку вверх, хватая за ягодицы и усаживает на себя. Он вдыхает запах, пока касается губами шеи и спускаясь всё ниже и ниже, резко отодвигает лиф вниз, оставляя царапины на коже. И, касаясь груди, слышит, как Илэйн легко содрогается в его руках, словно лист, и прижимается ещё сильнее. Её рука зарывается в длинные волосы на его макушке, а потом резко оттягивает голову назад. Всё ещё удерживая его на расстоянии от себя, Илэйн мягко слезает с него и только потом дотрагивается до пуговиц на его рубашке, расстёгивая их. Её губы мягко касаются ключицы, груди, проходясь языком по прессу, спускаясь к жёстким волосам на животе. Она приспускает штаны и боксеры вниз, устраиваясь на коленях. Илэйн касается сначала головки, а потом проводит языком по всей длине. Возвращаясь вверх, бёрет член в рот, посасывая и массируя яйца второй рукой. Юан нажимает на затылок и направляет в своём ритме, грубо наматывая волосы на кулак заставляя ускориться. Илэйн пытается отодвинуться, но он заставляет её проглотить до конца, и резко отдёргивает, пока та справляется с рвотным позывом.

– Иди сюда! Живо, – он поднимает её и бросает на кровать. Илэйн не успевает перевернуться, когда он оказывается сверху, прижимая к кровати и заставляя её снова и снова чувствовать его власть и что он сам решит, как её брать и как долго. Юан приподнимает её за ягодицы, расстёгивает молнию на юбке, стаскивает рывком по ногам, обтянутым чулками. Рассматривает пару секунд, какая она маленькая и хрупкая. Илэйн смотрит на него молча, боясь поднять голову. Только это не тот страх – он не делает ничего, чего она бы не позволила.

Юан надавливает пальцами на половые губы через трусики, и она толкается вперёд, уже ожидая большего, настолько влажная. И даже несмотря на это, он хочет её попробовать. Медленно спускает бельё и проводит языком по клитору, пробуя на вкус и сжимая ягодицы. Она стонет в подушку, сжимая край одеяла. Юан любит тем, как из неё сочится смазка, и подставляет член ко входу, проводит им, чтобы увлажнить, мучая её и себя ещё немного.

Илэйн толкает бёдра назад, а он с силой удерживает их. Медленно проникает в неё, слушая стоны. Оказавшись в ней до конца, вынимает член и снова резко входит. Илэйн вскрикивает скорее от неожиданности, чем от боли. Юан словно срывает лейкопластырь с гнойной раны, вспоминая слова матери о том, чтобы он её не трогал. Только ему плевать на то, чтобы она сейчас сказала – он просто берёт Илэйн раком, оставляя синяки от каждого прикосновения к ягодицам, ногам и спине. Юан уже предвкушает то время, когда и она будет его ненавидеть. Но это только добавляет желания врываться в её плоть, оставлять как можно больше следов на ней – она его, по крайней мере, на тот краткий миг, пока он в ней.

Юан хаотично покрывает её спину поцелуями, резко входя в неё каждый раз под определённым углом, нажимая на поясницу, отчего она выгибается в спине. Массирует её клитор, ощущая, как всё чаще и чаще стенки влагалища сжимают член в преддверии оргазма. Илэйн содрогается всем телом, обхватывая его внутри и произнося имя полушёпотом. Юан ухмыляется, вспоминая, сколько ещё таких девушек уже перетрахал в жизни. Разве Илэйн отличается чем-то от них?

Ощущая, что сам сейчас кончит, вынимает член и изливается Илэйн на поясницу. Сжимает одной рукой её бок так, что она хнычет. Ложится рядом, прекрасно осознавая, что это их последняя встреча, поэтому спокойно произносит:

– Одевайся, я вызову тебе такси, – он всего лишь говорит тем самым: «Илэйн, ты такая же, как и все».

Глава 2

Три месяца спустя

Юан допивает остатки виски в стакане. Лёд звонко ударяется о стенки. Свет из полуоткрытого иллюминатора преломляется, создавая «солнечных зайчиков». Голос пилота отвлекает его от этой игры через громкую связь:

– Внимание, пристегните ремни. Самолёт идёт на посадку.

К нему подходит миниатюрная темноволосая стюардесса и, нагибаясь слишком близко, спрашивает:

– Могу ли забрать ваш стакан?

Юан кивает и лишь мельком разглядывает её. Хотя они все одинаковые: вежливые, добрые и чувствуют превосходство, обслуживая пассажиров с тугим кошельком в первом классе. Откинувшись на спинку кресла, он смотрит на рассвет. Небо окрашивается в красно-оранжево-жёлтые оттенки, прогоняя чёрно-синюю тень. Юан возвращается в Финикс после заключения важного контракта в Берлингтоне. Ему удалось получить заказ от крупной консалтинговой фирмы. Теперь рекламное агентство Юана займётся продвижением их услуг. Наверняка, старый друг, с которым они управляют агентством на партнёрских началах, будет доволен.

Вспоминает, как начинал свой путь с самых низов. И где он сейчас? В свои тридцать является владельцем бизнеса. Даже не успеваешь толком осознать, рад он или не рад тем условиям и перечню услуг, которые они должны выполнить за три месяца. И если по результатам заказчика всё устроит, то контракт будет продлён. Им сулили сумму в разы больше той, что они получают сейчас. Но вновь радость от удачной сделки омрачается мыслями о прошлом.

Юан закрывает глаза и вспоминает, на какие средства смог запустить бизнес. Морщится, скрипя зубами. Не испытывает гордости за то, что использовал деньги, отошедшие по завещанию после смерти матери. Это были средства того человека, кто кончил в его мать и сбежал. Хотя сейчас Юан всё же думает, что мама сама хотела забеременеть. Но что бы он ни пытался у неё выяснить, она отвечала односложно, не распространяясь ни о внешности, ни о характере и тем более – о местонахождении этого незнакомца. Афри всегда говорила только одно: они ему были не нужны и Юан единственное, что есть у неё, и больше знать ничего не нужно. В такие периоды она становилась удивительно серьёзна – была уверена, что поступает верно. В какой-то момент Юан потерял желание выяснять у неё что-либо. Его же поиски тоже не дали результатов.

В Нейпервилл Афри приехала одна, ну как одна – беременная им. Поэтому никто не видел ни отца её ребёнка, ни родственников, которые за тридцать лет ни разу её не навестили, а на вопросы она легко отвечала – не срослось, и о решении оставить сына никогда не жалела. После её смерти оказалось, что биологический пиздюк, который приходится отцом Юану, посылал средства. И на тот момент, когда ему стукнуло двадцать пять, их почти хватало, чтобы открыть рекламное агентство самостоятельно – исполнить мечту всей жизни на пару со своим другом из университета. Симон знал, что деньги отошли от матери по завещанию. И они старались не поднимать тему, откуда такие средства были у среднестатистической американки, которая работала на местном радио в маленьком городе. Если первый год его смущало, что внезапно может появиться тот, кто потребует деньги назад, то потом этот страх пропал.

Деньги – самый лёгкий способ, которым отец мог загладить вину за своё отсутствие. И самый обесцененный.

Забавно, как отец умудрился повлиять на него лишь своей тенью. Юан больше не собирался искать его. Афри и в завещании не оставила ни намёка на то, кем он был. Может, это и не его деньги? Может, она сбежала от своей богатой семьи? Почему-то Юану не хотелось копаться в прошлом и доставать грязное бельё – правда никого не делала умнее и счастливее.

Стюардесса делает круг и возвращается к нему. Взгляд скользит по лицу, и когда он поворачивается, она снова наклоняется слишком близко. Парфюм забивает ноздри, а выбившиеся из-под шапочки волосы щекочут лицо. Она берёт два конца его ремня, соединяет в креплении и проводит ладонью по брюкам, будто стирая невидимую грязь. Бросает взгляд на безымянный палец, убеждаясь в отсутствии кольца, и Юан уверен, она знает, кто он и чем занимается, а самое главное – прикидывает, какой бюджет находится в его распоряжении. Неужели такие молоденькие леди всё ещё надеются, что вот так легко можно найти своего принца, застегнув ему ремень и нежно прикоснувшись? Неужели он должен сразу жениться на ней, почувствовав на себе томный взгляд карих глаз? Ему не нужны привязанности – нужны влияние, власть и деньги, а не та, кто будет сидеть на шее и пить кровь, терпя из-за денежных средств на счёте в банке.

Юан подавляет желание оттолкнуть её или нагрубить – зачем ему нелюбезные истории в газетах и новостях? Отворачивается к иллюминатору, надеясь, что она поймёт однозначный намёк.

Проходит ещё минут тридцать. Самолёт садится, ещё какое-то время продолжает движение. Юан пытается созвониться со своим водителем – Квентином, но телефон отказывается ловить сеть. Чертыхаясь, надеется, что как выйдет из самолёта, всё будет в порядке. Не хотелось бы опоздать на совещание с Симоном и главами отделов. Терять время, отведённое на заказ, нецелесообразно, а дел и так выше крыши. Ожидание и доработка по договору с пекинцами, подготовка к празднованию предстоящей даты основания их компании, а кроме этого ему хотелось бы захватить домой. Но обычный ход вещей рушится, создавая одну накладку за другой. Виски Юана пульсируют из-за нарастающей мигрени – надо выпить, но уже в машине.

Юан отстёгивает ремень и из шкафчика сверху берёт сумку с вещами. Проходя мимо персонала, выстроившегося по обе стороны от выхода, он и взгляда не бросает на ту, кто собиралась затащить его в постель, хотя такой смелости можно поаплодировать. Но он уже не в том возрасте, чтобы кидаться на первую попавшуюся юбку. Спускаясь по трапу, снова пытается дозвониться до Квентина. Телефон отказывается понимать команды и выдаёт, что нет сети и вызов невозможен.

– Грёбанный смартфон, – гневно высказывается Юан, идя ко входу в аэропорт.

– Добрый вечер, – говорит человеку за стеклом, нетерпеливо постукивая носком ботинка по полу, но заметив это за собой, прекращает.

Служащий слишком пристально осматривает его, и Юан испытывая дискомфорт. Не хватало ещё застрять в аэропорту на дознании. Потому выдавливает из себя подобие улыбки, сдерживаясь, чтобы не заматериться на то, что вновь приходится терять время.

– Добро пожаловать домой, мистер Маккинз, – служащий протягивает паспорт.

Юан проходит через арки металлоискателей, пытаясь дозвониться Квентину, и на этот раз его попытка увенчивается успехом – слышит гудки.

– Ну, слава Сатане! – выдыхает он, чувствуя на себе взгляд парочки сбоку. Проходит секунд двадцать, прежде чем Квентин берёт трубку. – Алло? Какого хрена ты тянешь время, пацан? Я тебе мало плачу, чтобы ты брал трубки вовремя?

– Мистер Маккинз, доброе утро... Я... то есть меня тут на парковке заблокировали два такси. И пока они не отъедут, я не смогу подъехать ко входу Е, через который выйдете вы. Приношу извинения...

– Знаешь, куда их надо засунуть?

– Знаю и готов лишиться премии. Понимаю, что для вас время – деньги.

– А кто, блять, сказал, что у тебя будет премия? – отвечает Юан и кладёт трубку.

Проходит мимо людей, удерживая в руках сумку и лёгкое пальто. На улице накидывает одежду, прежде чем закурить. Квентин подъезжает минут через десять-пятнадцать. Юан успевает выкинуть вторую сигарету и позвонить Симону, предупреждая, что прилетел, а оболтус, которого тот ему посоветовал, опаздывает. Друг ухмыляется на его слова, понимая, что ему нравится Квентин, но в силу обстоятельств хочется на ком-то сорваться.

– Мы тебя подождём, Юан, в любом случае.

– Да ну? А я-то думал, что вам контракт уже не нужен, – выдавливает ядовитое замечание.

– Так ты соврал, мерзавец? – голос Симона меняется на радостный возглас: – Мы получили заказ?

– Да, – выдавливает Юан, не понимая, почему не смог потерпеть до приезда в офис.

– Пойду обрадую наших. Давай там побыстрее, дружище. Ты – гений!

Симон отключается, прежде чем Юан успевает сказать, что хотел сделать это сам. Ему нравится их команда и как загораются глаза людей при удаче, а ещё они готовы усердно работать даже в период провалов и отказов. Ведь этот заказ как раз должен поднять прибыль, до этого она пару месяцев падала, не сильно, но ощутимо – кто-то вечно перетягивал заказы и клиентов. При таком исходе они не протянули бы дольше полугода, если бы он не крутился как белка в колесе, выискивая новых клиентов. Но сейчас Юан надеется, всё наладится и пойдёт своим чередом. Удача снова на законном месте.

Подъезжает тёмно-синяя БМВ, в опущенном стекле показывается улыбчивое лицо Квентина. Он всё так же не надевает форменную фуражку, нося короткий ёжик, что делает его ещё моложе, чем есть на самом деле. Чем хмурее становится Юан, тем шире улыбается Квентин – так, что появляются ямочки на лице среди россыпи веснушек.

– Простите! – Квентин быстро выходит и открывает заднюю дверь, чтобы Юан сел. Тот молча располагается на сиденье, а Квентин захлопывает дверь, запрыгивает на место и давит на газ. – Ну что, заключили? – спрашивает он, поглядывая через зеркало. – Хотя не отвечайте, и так вижу – всё прошло удачно. К вам домой?

– Нет, сразу в офис. Предполагаю, если я заеду домой, то меня будут ждать не сотрудники, а пьяные свиньи.

Квентин смеётся, поправляя кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Юан смотрит на него, мальчишку восемнадцати лет, и вспоминает, что в его возрасте голова была занята тем, как пробиться в Школу журналистики Уолтера Кронкайта. А потом, как заработать, как подняться по карьерной лестнице, как попасть на стажировку в престижное место. Квентин улыбается, поглядывая в зеркала и ударяя по рулю в своём ритме – ему достаточно жить здесь и сейчас. Юан сжимает губы в тонкую полоску, почему-то задевает его лёгкость.

– Квентин, ты не думал о том, что будешь делать дальше?
– О чём вы, мистер Маккинз?
– Ты собираешься всю жизнь крутить баранку и терпеть мою грубость?
– А почему бы и нет? – Квентин бросает на него взгляд через зеркало. – Вы мне нравитесь, и платите хорошо.

Юан откидывается на спинку, игнорируя ответ Квентина, а тот, чувствуя, что босс не расположен к разговорам, молча едет по улицам. Юан размышляет над тем, какая пропасть их разделяет в интересах, в желаниях и обязанностях.

Выходя из машины, говорит Квентину:
– Я позвоню, но, скорее всего, закончу поздно и поеду на такси, так что отдыхай. И не гоняй.

Квентин кивает. Когда Юан захлопывает дверь и отворачивается к офисному зданию, тот выжимает газ, срываясь с места.

– Нет, ну точно лишу его премии!

Юан заходит в здание, с ним здороваются охранники. Вызывая лифт, замечает, как вокруг снуют люди, сотрудники и такие же шишки, как и он. Обменивается парой фраз со знакомыми о делах, предпочитая умалчивать самое важное – никогда не знаешь, кто решит воткнуть нож в спину.

На пятнадцатом этаже в фойе его встречает делегация из Симона и ещё пятерых глав отделов. Аплодируют все – даже те сотрудники, которые видят его через стеклянные стенки.

– Мистер Флеминг, – обращается Юан к другу. – Вы знаете, что наши сотрудники лоботрясничают на рабочем месте?

– Мистер Маккинз, а вы знаете, что это происходит только в ваше отсутствие? Когда они выдыхают и могут спокойно подышать, – Симон подходит к нему, они жмут друг другу руки и обнимаются, радуясь общему успеху.

– А теперь по местам, всем спасибо! – кричит Юан. Все усаживаются на свои места и приступают к непосредственным заданиям. – А вас попрошу в кабинет, – поворачивается он к главам отделов.

Они устремляются в конференц-зал, который, Юан уверен, уже подготовили к его приходу. Кинув вещи на стол и стул из красного дерева, ждёт, пока все усаживаются на свои места. Пять пальцев на одной руке, как он их называет: Шон, Кирс, Эсти, Карис и Дон.

– Успели напортачить в моё отсутствие? – спрашивает Юан серьёзно и добавляет, глядя на Симона: – Тебя это тоже касается, кстати.

Тот поднимает руки, сдаваясь, и Юан чувствует, что в этом кабинете имеет хоть что-то похожее на душу – этим он живёт.

После совещания и построения плана для каждого отдела они с Симоном пропускают по стаканчику виски, обсуждая их положение и его мысли насчёт продвижения и роста агентства. Уже переваливает за десять часов, когда Симон отвечает на звонок и говорит, что скоро будет.

– Это ты с кем? Надеюсь, не с Амандой? – Юан вспоминает его пассию, которая идёт вразрез со всеми представлениями о том, какие девушки должны крутиться в их кругах – они уже не студенты.

– А с кем ещё?

Юан смотрит на добродушную и кривую из-за неровных зубов улыбку друга и на то, как тот проводит рукой по коротким волосам. В такие моменты он не бизнесмен, а обычный счастливый человек.

– Вы снова вместе? Тебе не кажется, что все разрывы и воссоединения с чередованием раз в три-четыре недели ни к чему хорошему не приведут, – Юан всё ещё не теряет надежду вразумить Симона.

– Юан, не завидуй! Когда-нибудь и ты найдёшь ту, кого так же не захочешь отпускать. Ту, перед кем тебе придётся опуститься на колени, потому что она приручит тебя, – Симон хватается пиджак и ключи со стола, быстро выходит, кидая «пока».

– Когда-нибудь... – произносит Юан, допивая остатки виски и чётко понимая, что это дерьмо ему не нужно.

Набирает номер Квентина, совсем забывая о том, что просил его отдохнуть. Тот берёт трубку с тем же энтузиазмом, что и обычно:

– Ну что, босс, передумали?

– Да, Квентин. Видимо, ты меня знаешь лучше, чем я сам.

– Я тут за углом, можно сказать – скоро буду.

Юан берёт лёгкое пальто и вещи. Странно, этот год удивительно прохладен для Финикса. Он нехотя вспоминает, как в этом пальто был последний раз в Нейпервилле с Илэйн. Отмахивается от кадров прошлого: об их расставании и о том, что разбил стекло в ванной. Рука больше не ноет из-за того пореза, но розовая ниточка на ладони до сих пор яркая и неровная. Симон советовал купить мазь, чтобы свести эту гадость – собственно, это же он говорил ему об Аманде.

– Сэр?

У Юана такое чувство, что Квентин зовёт не в первый раз. С трудом двигается, скидывая воспоминания с себя, как призрачные тени и дым от благовоний – пора уже забыть всё, что было между ним и Илэйн. И чего это он её снова вспомнил? У него же так хорошо получилось забыть о ней уже по дороге в Финикс. А теперь... теперь систематически вспоминает бездонные глаза или как она улыбалась, потягивая коктейль.

До его дома около двадцати минут езды. Они минуют людные улицы, подсвеченные неонами. Пролетают мимо множества кафе и баров, что открылись с того момента, когда он последний раз обращал на это внимание. Юан не достаёт телефон и не забивает данные, не делает записи, как обычно.

Когда они подъезжают к дому, замечает знакомую машину напротив входа. И мигрень из самолета возвращается с новой силой. Если от стюардессы можно было легко отделаться, то с Рези Маклауд это вряд ли выйдет. От споров с ней он устанет больше, чем от работы. Поэтому Юан прощается с Квентином и, подходя к двери, ждёт, когда она выйдет из машины и окажется рядом.

Рези намеренно медленно открывает дверь и опускает одну ногу в туфле на высоком каблуке, а потом из разреза атласного чёрного платья появляется и вторая. Хлопая дверцей машины, она поправляет и так идеальную причёску – рыжие волосы уложены волной на один бок. Направляется к нему, держа в руках клатч и улыбаясь. Эта ночь будет слишком долгой.

– Ты сегодня задержался, я уже хотела уезжать, – произносит Рези, ровняясь с ним и наклоняясь к губам. Оставляет на них яркий след от винной помады, а он ненавидит эту её привычку и жалеет, что не задержался на работе ещё дольше.

– Так и ехала бы к Майклу, хотя бы пару часов уделила мужу. Не боишься, что его оппоненты накопят на тебя не слишком «чистый» материал, что ты ошиваешься у моего дома ночью.

– Юан, да какая это новость? Ты спишь с половиной Финикса – все это и так прекрасно знают. Это не для жёлтой прессы, уж прости, – она пожимает плечами, и съехавший палантин оголяет одно веснушчатое плечо.

– Но не все, с кем я сплю – жёны конгрессменов.

– И слава богу. Если бы все те леди пали, боюсь, ты развалил бы этот город. Но я рада, что ты не используешь своё очарование на тех замухрышках.

«Да я и на тебе его не использую», – отвечает Юан в голове на её слова.

– Ты пригласишь уже внутрь? А то я замерзаю.

– К сожалению, у меня нет выбора.

– А тут ты прав, – Рези ухмыляется и выхватывает ключи из его рук.

Открыв дверь, она кидает связку на полку в прихожей. Он знает, куда она направляется. Одно он понял: все женщины, чьи мужья занимают высокие должности, делятся на три типа – тех, кто пьёт, трахается с любовниками или занимается благотворительностью. Рези из тех, кто умудряется всё это совмещать.

Юан бросает сумку на диван вместе с пальто. А Рези уже наливает себе мартини, который в этом доме водится исключительно для неё. Проходя за стойку, решает поддержать и наливает виски, кидая в стакан кубики льда. Смотрит на то, как Рези потягивает неразбавленный соком алкоголь, сидя на высоком стуле и качая ногой, демонстрируя высокий разрез. Юан проходит взглядом от острого носка туфли до бедра и чувствует, что, возможно, появление Рези весьма кстати. Ему надо скинуть напряжение, а ей – развлечься.

Залпом выпивает налитый виски и проводит рукой по её колену и выше. Рези скидывает одну ногу с другой, и он мягко проскальзывает по внутренней стороне бедра дальше. Вспоминает, что однажды на вечеринке спросил у неё: там она тоже рыжая или нет. Она ответила: «Пойдём проверим». Он трахнул её уже через семь минут после этого в туалете прислуги. Рези не боялась ни общественного мнения, ни того, что Майкл вышвырнет её из дома за измены. Проблема в том, что она давно взяла мужа за яйца, напугав тем, что сольёт на него компромат, только задумайся он, что она ему не подходит. Рези – не просто пригретая змея, она первоклассная и самая опасная, но как бы то ни было, с такими хорошо дружить, а трахаться... Трахаться Юан любит, в принципе, а ей нравится, что он не испытывает к ней чувств и может делать всё, что захочет. А она может быть не властной женой конгрессмена, а просто потаскухой, которая готова опуститься на колени и просить кончить ей на лицо. Каждому – своё, а ему плевать, как трахать, да и кого, лишь бы держала язык за зубами.

– Юан... – шепчет она, склоняясь к самому уху.

Больше он не хочет думать ни о чём, кроме того, что перед ним. А перед ним кусок мяса, который требует, чтобы его хорошенько отбили. Отставляет её бокал подальше и, подхватывая за бёдра, усаживает на стол, целуя в губы.

– Ты же знаешь, что терпеть не могу помаду.

– А я – запах сигарет. Так что один-один.

Юан давит ей на грудь, укладывая на столешницу, резко поднимает подол платья и замечает, что на ней нет белья. Сразу расстёгивает ширинку и вставляет в неё сухую. Когда он уже готов кончить, она притягивает его за бедра, оставляя внутри.

– Какого хуя ты делаешь? – спрашивает Юан, вытаскивая член и хватая Рези за горло. – Мне не нужны дети на стороне, милая!

Рези странно улыбается, а он смотрит на неё сверху вниз, на размазанную по лицу косметику и замечает в глазах отсутствие блеска, который сопровождал её всё время их знакомства. Юан не дурак и понимает – что-то случилось. Ослабляет хватку, сперма вытекает из Рези на стол. А потом и на пол.

– Сегодня я узнала, что бесплодна, – выговаривая она на одном дыхании. Слезает со стола, хватая бокал и допивая остатки мартини. – Не смотри на меня так, я никогда не хотела детей и теперь могу не волноваться – их никогда и не будет.

Рези не напрашивается на то, чтобы остаться, но Юан понимает, так будет правильно – всё же она много для него сделала в своё время. Нашла первых клиентов и советовала друзьям, когда он только открыл агентство почти три года назад. Рези была далеко не идеальна, но она отчасти была и его женщиной тоже. Временами, и в пределах этого дома он имел над ней полную власть.

– Майкл знает?

– Нет. Зачем? – Рези смотрит на него. – Так ему спокойнее, сейчас у него разработка кампании по захвату идиотов.

Юан смотрит на её опустившиеся плечи и предлагает единственно правильное решение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.